Екатерина Нагорная

Четвёртая

Екатерина Нагорная

Четвёртая

«Автор»
2026

Нагорная Е.

Четвёртая / Е. Нагорная — «Автор», 2026

Привычное устройство мира пошатнулось, а устоявшиеся законы извращены и перестали действовать. Уже вырваны страницы, таинственные птицы затянули свои странные песни, а армии двинулись в путь. Кто стоит за надвигающимся хаосом: сами звёзды и провидение или чья-то злая воля? Разобраться с этим предстоит архивариусу Сольге, её помощнику Янкелю и тёмному магу Шо-Рэю. Ох, что-то будет...

© Нагорная Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 19
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Екатерина Нагорная
Четвёртая

Пролог

«У Сахо – Создателя миров, было три дочери-помощницы.

Старшая – Рийин, мудрая и осмотрительная, неустанно бдящая за подвластными ей мирами: днём за мирами смотрел правый глаз, а ночами – левый. Самая незаменимая, самая незаметная из дочерей Сахо – каждый мог воззвать к ней в поисках защиты и покровительства, но мало кто так делал. Рийин носила платья всех оттенков белого и туго заплетала волосы, чтобы они не падали на глаза, не мешали смотреть за мирами.

Близнецы Альез и Викейру были настолько неотличимы лицом, сколь и не схожи характерами.

Альез, появившаяся на свет на долю мгновения раньше сестры, а потому считавшая себя главной из двух, признавала платья только огненно-красного цвета и характер имела под стать – пылкий, упрямый, отважный. Она покровительствовала правителям и воинам. А что Альез иногда не хватало мудрости и осмотрительности её старшей сестры, так – если честно – каждый ли правитель мудр, каждый ли воин осмотрителен?

Викейру же предпочитала таиться в самых глубоких оттенках синего. Была строга и созерцательна, скрытна и лишена напора своего близнеца, добиваясь желаемого терпением и разумно выбранными путями. Она покровительствовала магам (конец страницы)» Из Книги Создания. Том первый.

Глава 1

Резные тени деревьев и кустов в свете Ночного глаза Рийин тянулись, ползли, переплетались, как будто даже перешёптывались, словно стая живых, причудливых существ из старых сказок. Среди этого смешения можно было бы спрятать целую армию, но сейчас тени скрывали только одного. Судя по осанке, плавности и лёгкости движений, он был молод. Вот и все, что можно было сказать о нем в этот момент. Как он выглядит и кто он: шпион, ревнивый любовник, бдительный брат, а может быть сын, беспокоящийся о наследстве – пока останется секретом.

Те, за кем следил укрытый тенями незнакомец, спокойно прогуливались по аллее сада, не прячась и не обсуждая ничего тайного – обычная беседа двух добрых друзей.

Впрочем, встретив этих двоих при других обстоятельствах, мало кто мог бы даже заподозрить, что хоть что-то может связывать таких непохожих друг на друга людей. Мужчина был из тех, кого можно назвать блестящим кавалером. На вид ему лет за сорок, но как далеко, не понятно. Прекрасная осанка, но не воина, а скорее придворного, спокойная, без вызова, уверенность в движениях. Одет дорого и роскошно, ровно за шаг до той грани, где изящество переходит в вычурность. Единственным недостатком была хромота, но даже это мужчина обернул в свою пользу. Ходил он, опираясь на трость. О, эта трость! Предмет гордости хозяина и зависти окружающих. Ходили слухи, что она зачарована сильнейшими магами Чьифа на хитрость, проницательность и красноречие, будто бы её невозможно сломать и потерять. Хозяин трости только усмехался и отмалчивался, он-то знал, что никакого зачарования на трости нет, просто некоторым людям сложно принять, что кто-то может быть лучше, чем они. Сломать её было можно, но пришлось бы очень сильно потрудиться – трость была изготовлена из длинного витого зуба диковинного морского зверя из южных морей. Мастер из Раймини покрыл его сложной резьбой и добавил небольшой секрет – длинное тонкое лезвие, кажущееся игрушкой против обычного меча или топора, но в умелых руках становившееся смертоносным оружием, сама трость служила ему ножнами.

Спутница владельца трости была куда моложе собеседника. Невысокая, она казалась ещё ниже из-за того, что сутулилась. Ее походка, нервная и неровная, делала её похожей на птицу, что вот-вот взлетит, и вовсе не сутулится эта птица – просто крылья сложила. Она вошла в тот возраст, когда девушка становится молодой женщиной, её ровесницы обычно уже мужние жены и матери. Но её, похоже, эта участь должна была миновать: тёмно-русые волосы обрезаны до плеч, простое серое платье без семейной вышивки и вообще каких-либо узоров – явные знаки незаконнорождёной. Единственное её украшение – узкий серебристый пояс, прошитый едва заметными красными нитями.

– Жаль, что в последнее время мы с вами так редко видимся, посланник Горто.

– Увы, дорогая Сольге, гордость и амбиции моего господина подчас затмевают голос разума.

Сольге рассмеялась:

– Хорошо иметь верного друга, которому можно пожаловаться на жизнь и перемыть кости обидчикам. Я очень рада, что вас не отозвали.

– И я. И я рад этому безмерно, – посланник Горто задумчиво постучал тростью о камни садовой дорожки. – Ну а как вы поживали все это время?

Незнакомец в тени слушал, как Сольге смеялась и жаловалась посланнику на сестру короля Байвин, на старую няньку Гритту, ещё на каких-то людей и, наконец, на глупую ревность некоего Хендрика. Незнакомец скрипнул зубами от злости, ударил кулаком в ствол дерева, за которым прятался, и спугнул какую-то заполошную птицу.

Те, за кем он наблюдал, насторожились. Сольге подняла камень и швырнула его точно в то самое место, где стоял незнакомец. Тот замешкался и не успел увернуться. Попала. Незнакомец зашипел от боли, выругался.

– Немедленно отправляйся в свою казарму! – голосом Сольге можно было заморозить море. – Немедленно! Иначе можешь больше не попадаться мне на глаза!

Треск кустов, обиженное бормотание, и все стихло. Наблюдатель ушел.

– Это..?

– Хендрик. Нет, он совершенно невозможен! Вот как ещё… – она махнула рукой. – Ладно, ну его. Лучше вот что скажите, посланник. Почему мне кажется, что сегодня вы хотели поговорить о чем-то совсем другом?

Горто рассмеялся и поднял руки вверх:

– Сдаюсь! Вас не проведешь, Сольге.

Однако смех его получился каким-то невеселым.

Высоко в ночном небе ярко – так ярко, что даже свет Ночного глаза Рийин не мог ее затмить – сияла красная звёздочка.

– Грядет Альез, – проговорил Горто, задумчиво глядя на небо.

– Да, знаю, – Сольге, напротив, устремила взгляд куда под ноги. – Король уже готовится. И устает быстрее.

Какое-то время посланник наблюдал, как она носком туфли пытается выкопать камешек из земли, потом поинтересовался:

– Вы ведь редко смотрите на небо, правда?

– Вы когда-нибудь видели небо в архиве? Да и что там может быть такого?

– В небесах случается много интересного, если захотеть увидеть. К примеру, не так давно маленькая зелёная звёздочка появилась вон над тем лесом, а потом упала. Никогда ничего подобного я раньше не наблюдал. А вы?

– А у меня есть мои книги, посланник. Они интереснее, чем небо.

– И все же взгляните.

Сольге едва слышно фыркнула, но послушалась:

– И?

Горто показал ей на звезду, но не на красную, а на ту, что была рядом – синюю.

– Вот, рядом. Викейру. Видите?

Нет, ничего такого Сольге не видела. Близнецы – Альез, звезда воинов и правителей, и Викейру, звезда магов – всегда были рядом. Время от времени одна из них спускалась к земле, чтобы поближе взглянуть на тех, кто выбрал ее покровительство. Посвящённые приносили ей в дар свои силы, которые звезда, уходя, возвращала многократно. Чем сильнее был посвящённый, тем больше отдавал и тем больше получал обратно. Сейчас близилось время Альез. Все, как обычно.

И все же Горто что-то явно беспокоило. Сольге снова взглянула на Сестёр и пожала плечами:

– Вроде бы все как всегда. А что видите вы?

Посланник замялся, как будто ещё не был уверен, что стоит об этом говорить, но все же решился:

– Вы можете посчитать меня безумным, Сольге, но я думаю, что в этот раз как обычно не будет. Посмотрите внимательнее. Вам не кажется, что Викейру тоже стала ближе?

Сольге так не казалось, но возражать она не стала – кто-кто, а посланник Горто до сих пор понапрасну тревогу не поднимал. Может и правда, что-то такое разглядел.

– Вы хотите сказать, что в этот раз Сестры придут вместе? Но это невозможно.

Горто только пожал плечами:

– Я знаю, но… Сольге, я не первый день смотрю на них. Викейру немного отстаёт, но за последние дни она тоже стала ближе.

– А раньше такое случалось?

– Это самое интересное, моя дорогая. Ни в одной из известных мне книг нет ничего о подобных случаях. Нигде и ничего.

– Хм…

Это был вызов. Сольге, личный архивариус и секретарь короля Толфреда, считала, что нет ничего на свете, чтобы не было описано в книгах, документах, дневниках, в крайнем случае, в письмах. А то, что посланник ничего не нашёл, так это от того, что он не архивариус. А уж она, Сольге, точно что-нибудь да найдёт. О чем и сообщила старому другу.

Ночные тени продолжали свои игры в свете Глаза Рийин. Где-то позади удалялся стук невообразимой трости посланника Горто. Королевский замок спал. Сольге шла и размышляла… Да ни о чем таком она не размышляла. Нет, она, конечно же, найдёт в архиве все, что сможет, о Сёстрах, там наверняка есть объяснение всему. Так уж устроен этот мир. И чудес не бывает.

***

Несколько следующих дней прошли как обычно. Сольге вставала рано и отправлялась в архив. До сих пор не было ни одного дня, когда бы ей удалось прийти туда раньше мастера Сатрена, старшего архивариуса и её учителя. Спал он там что ли? Хотя Сольге готова была поклясться, что видела, как старик, пошаркивая, но все равно стараясь держаться прямо, удаляется вечерами в свою комнату. Сама она оставалась в архиве иногда и заполночь, чтобы спокойно почитать, разобрать полку-другую в старой части архива, найти там что-нибудь интересное и забыть обо всем на свете. О, она была очень увлекающейся, эта Сольге! Наткнувшись однажды на клочок старой карты с непонятными обозначениями, она не успокоилась до тех пор, пока не разобралась, что это и откуда. И что же? Был окончательно решен вопрос о землях вдоль реки Эрдвай, тех самых, из-за которых Октльхейн долгие годы ломал копья в спорах с соседним Тарандолом. Наградой стали бесконечная признательность короля Толфреда, целых две недели без придирок от Байвин и её свиты, а среди посланников больше не осталось тех, кто не воспринимал Сольге серьёзно. Снисходительствующие были посрамлены, насмешники поставлены на место, а те, кто считал ниже своего достоинства обратить внимание на незаконнорождённую, хоть и королевскую, дочь, теперь искали её внимания. Только Горто довольно посмеивался и говорил, что от Сольге только такого и следовало ожидать, хотя именно он был представителем Тарандола при дворе короля Октльхейна и именно за это дипломатическое поражение едва не был отозван.

Иногда Сольге казалось, что она могла бы жить в архиве. Книги не умеют ненавидеть, во всяком случае, своих хранителей. Они не шепчутся за спиной, не кривятся при встрече, не придираются и не ревнуют. Храня под переплётами знания всего мира, его историю и истории поменьше, чьи-то мысли и чувства, внешне книги остаются спокойными и бесстрастными. Сольге им завидовала.

Впрочем, книги не умеют отвечать своим обидчикам. А Сольге – вполне себе. И в этом тоже имелось определённое удовольствие. И как бы строго ни выговаривал король Толфред своей воспитаннице, как ни просил не ввязываться в ссоры, совсем мирно жить не получалось.

Положение Сольге при дворе было довольно странным. С одной стороны, незаконнорождённые появлялись в Октльхейне редко и относились к ним куда как скверно, но с другой, Сольге всё-таки была, хоть и не признанной официально, но младшей и любимой сестрой короля, его воспитанницей и личным секретарём. Вот тут стоит вспомнить про бельмо на глазу и сказку про слабосильного Укку, который любил груши, но не умел лазить по деревьям, а потому эти самые груши ругательски ругал, называл их то кислыми, то гнилыми.

А ещё Хендрик. Молодой, красивый, огненно-рыжий, по нему вздыхали и кухонные девчонки, и дочки королевских советников. Поговаривали, что сама Байвин выделяла его из всех юнлейнов, новоприбывших воинов, будущих посвящённых Альез. Но глупый мальчишка не видел никого, кроме Сольге, с того самого дня, как отец привёл его в казармы замка.

Клеща и того проще отцепить. Не помогала еженедельная порка, не отвлекали пограничные объезды и рейды на разбойничьи банды. Смеялись над ним – отмахивался, насмехались над Сольге – дрался, бил так, что едва не калечил. Находил её везде, где только мог и околачивался рядом, подбрасывал подарки к дверям архива и старого Детского крыла замка, где жила Сольге. Она уже видеть не могла его преданного щенячьего взгляда. И всё же добился Хендрик своего, больше года старался и взял измором. Говорят, застал Сольге плачущей да и утешил, как смог. Не было с тех пор в Октльхейне человека, счастливее, чем рыжий Хендрик. А Сольге… Что ж, она, не живая, что ли? Не женщина? Да и нос почти всей женской половине замка утёрла, зубовный скрежет неудачливых претенденток ещё долго мерещился в стенах замка.

Правда, спустя какое-то время Хендрик расслабился, загордился, по сторонам начал поглядывать. Историю о том, как Сольге застала его с какой-то девицей в пустом деннике, как выволокла полуодетую соперницу за волосы, приложив попутно обо все возможные стены, и предупредила, что так с каждой поступать будет, не зависимо от положения, рассказывали далеко за стенами города. Хендрику разбила нос и отлучила от себя на несколько недель. Больше таких вольностей мальчишка себе не позволял.

А ещё получилось так, что после встреч с Хендриком у Сольге удивительным образом прояснялись мысли, приходили ответы на самые запутанные вопросы. Так что, нет-нет, а завернёт Сольге в сторону казарм, пальцем поманит (а кто ей запретит?), глядишь – и проблема решена. Не только удовольствие от юнлейна, польза тоже была. Как такого при себе не держать?

Между тем с каждым днём Красная Звезда становилась все ближе. Ее ждали. Король выглядел все более утомлённым, все чаще юнлейны тренировались без присмотра старших воинов. Следовало как можно быстрее привести в порядок дела и закрыть рабочий кабинет до ухода Альез. Поэтому Сольге реже бывала в архиве, с Хендриком виделась урывками. В одну из таких встреч, случайно взглянув на небо за плечо любовника, она увидела то, о чем говорил посланник Горто. Сольге оттолкнула озадаченного Хендрика и, ничего не объяснив, на ходу поправляя платье, бегом помчалась в архив. А там, в небе, рядом с Альез, чуть отставая от неё, вырастала Викейру.

***

До сих пор Сольге считала, что хорошо знает архив. Не так хорошо, как мастер Сатрен, но всё же. Впрочем, от старого архивариуса помощи тоже было немного. Все, что удалось найти после нескольких дней непрерывного поиска – это… Ничего. Ни намека, ни упоминания.

Был, конечно, ещё старый архив, похожий на логово неведомого древнего чудовища. Каждый новый королевский архивариус всю свою жизнь сражался с ним, разгребая, упорядочивая и занося в каталог какую-нибудь полку или стеллаж, и каждый в итоге терпел поражение: старый архив был ревнив и требовал безраздельного внимания, но ведь был ещё и новый, пополняющийся быстрее, чем разгребался старый. А короли Октльхейна были, большей частью, скуповаты – Толфред Молодой был едва ли не первым, у кого было сразу два архивариуса, пусть один, точнее, одна выполняла ещё и обязанности личного секретаря.

Старый архив хищно затаился, едва заметно выдыхая книжную пыль и поскрипывая стеллажами и крышками сундуков со свитками. «Давай, – шелестел он, – давай, заходи, архивариус Сольге, я покажу тебе свои тайны. Если осмелишься, если зайдёшь, если протянешь руку…»

***

Король Толфред поставил росчерк на очередном прошении и устало отложил перо в сторону:

– На сегодня все, Сольге.

– Но, мой король, осталось всего два прошения и письмо от Фергрейского герцога. Может быть, все же..?

– Нет. Завтра.

"А завтра сделаем ещё меньше," – подумала Сольге, но промолчала: Альез тянула из короля силы, словно осушала стакан воды. Сестры приближались стремительно, даже свет Дневного глаза Рийин перестал их затмевать. "Ненасытные. Не хотела бы я быть посвящённой".

Она уже почти ушла, но неожиданно король остановил её:

– Сольге, на тебя снова жалуются.

Кто именно, Сольге даже спрашивать не стала – желающих хватало. Вот нянька Гритта, старая змея, только и знает шипеть: "Шшшавка безродная! Шшшлюха!" Сольге она ненавидела яростно, от всей души. В своё время, по распоряжению отца, Толфред, тогда ещё просто наследник, доверил доброй нянюшке свою воспитанницу. Вот только доброй с Сольге Гритта была только на людях, а за закрытыми дверями лупила за малейшую провинность, да так ловко, что со стороны и не скажешь, что ребёнок в синяках. Ещё и пугала, чтоб Сольге не жаловалась Толфреду. Как же! Маленькая мерзавка раздражала своим присутствием её обожаемую Байвин. Ох, что бы было, если бы швея, которой было поручено обшивать девочку, не обнаружила следы побоев на детском тельце! От ярости Толфреда няньку спасло только вмешательство его сестры, Байвин забрала Гритту в свои покои, и уж оттуда старуха настраивала против Сольге кого только могла.

Сама Байвин, опять же… Так и есть:

– Байвин сказала, что ты ей снова нагрубила.

– Она лезла, куда ей не следует.

Толфред страдальчески закатил глаза:

– Когда ты научишься отвечать достойно, сообразно твоей должности? То гримасничаешь, то гадости говоришь и прячешься в своём архиве… Девочка, я прошу тебя, будь умнее.

Если сказать по правде, Сольге, в чем бы она в жизни никому не призналась, страшно боялась Байвин. Никого не боялась, а сестру – да, та была разом всеми страхами детства, всеми унижениями юности. Оттого и сбегала, нагрубив, боясь взглянуть той в глаза.

– Я стараюсь, Толфред. Правда, стараюсь…

Король махнул рукой: ладно, мол, знаю я вас – ты стараешься, она пытается, а скандалы почти каждый день.

Уже у самых дверей Сольге вдруг решилась:

– Я могу попросить вас, мой король?

– Проси, – вздохнул Толфред.

– Мне нужен толковый помощник. Лучше, конечно бы, архивная ищейка…

Сольге рассказала о той ночной беседе с посланником Горто, о том, что увидела сама, что, как и посланник, ничего не обнаружила в архиве, что отправила письма во все возможные архивы и библиотеки ("Простите, мой король, от вашего имени"), но пока не получила ответа.

– Тебя так заинтересовали Сестры?

– Да.

– И если у тебя будет помощник, и я разрешу разбираться дальше, ты перестанешь скандалить с Байвин?

– Я обещаю не попадаться ей на глаза, мой король!

Толфред задумался. Архивная ищейка – человек, способный найти ответ на любой вопрос в любом архиве или библиотеке, – удовольствие дорогое и редкое. Но… Это просьба Сольге, а она редко что-нибудь просит и ещё реже – всякие глупости. Ладно, может быть и

повезёт: найдётся такой человек, в крайнем случае, Сольге будет при деле, и Байвин, может быть, тоже угомонится. Королю очень хотелось покоя, особенно сейчас.

– Будет толковый помощник, ищейку пока обещать не могу, сама понимаешь. Развлекайся. Только не забывай докладывать. Будем считать, что ты выполняешь мой личный приказ. Поняла? А теперь иди. Я устал.

Ах, как Сольге хотелось его расцеловать! Но вошла Ийрим, любимая наложница короля, а братом и сестрой они были только наедине.

Глава 2

– Ну, как они вам? – Сольге критически оглядывала претендентов на место помощника архивариуса. Десятка полтора юношей и девушек разного возраста толпились у дверей архива. Одни пыжились друг перед другом, другие скромно стояли в стороне, несколько девушек уже объединились в компанию, перешёптывались и хихикали, а кто-то делал вид, что ему все равно и оказался он здесь совершенно случайно. Они не знали, что за ними наблюдают, а потому не строили из себя невесть кого, оставались сами собой. Были и совсем дети, лет десяти-двенадцати, были постарше. Самым старшим, наверное, около двадцати. Король Толфред обещал лучших, но, похоже, невзирая на его приказ, другие архивы и библиотеки Октльхейна пожадничали и прислали разных, в том числе кого не жалко. Сложно представить, что какой-нибудь архив или библиотека вот так просто отдадут полезного человека, а тем более, такое сокровище, как архивная ищейка. Оставалось уповать на удачу.

Мастер Сатрен пожал плечами:

– Давай посмотрим.

Претенденты выстроились в ряд. Сколько ни пыталась, Сольге не могла выделить кого-то одного: все они были очень разные, но при этом словно на одно лицо.

– Что же, – произнесла она наконец, – все вы пришли сюда с одной целью – занять место помощника в королевском архиве. Каждый из вас сочтен своим наставником достойным. И все же, вам предстоит пройти испытание, чтобы мы смогли выбрать не просто лучших из лучших, а тех, кто сможет работать вместе с нами.

Про поиск ищейки Сольге решила не упоминать. Если среди этих мальчиков и девочек она и найдётся, это станет не только удачей, но и большим секретом.

– Вот ваше задание: меня интересуют Небесные сестры. Все, что вы сможете или посчитаете нужным найти. Срок – три часа.

Кто-то захмыкал, зафыркал, мол, что это за задание такое, ерунда же, а не задание, другие стали перешёптываться, издевается, мол, госпожа королевский архивариус, а кто-то и призадумался. Однако мешкать не осмелился никто. Как только открылись двери, претенденты наперегонки рванули к стеллажам. Чуть припоздал только один, он словно задумался на секунду, но уже в следующий момент решительным шагом направился внутрь архива.

И вот двери в архив закрылись. На целых три часа. На замок.

Тот, кто зашёл последним, остановился и прислушался. Такого шума эти стены не слышали никогда. То и дело раздавалась ругань, шипение, жалобные вскрики, громкие стихи, стук падающих книг и даже, о ужас, звуки рвущейся бумаги (сохрани Сестры тех, кто попадётся в руки мастера Сатрена). Но тому, кто зашёл последним, нужны были не эти звуки. Он медленно пошёл вдоль стеллажей в самую глубь архива. И не сказать, что искал что-то конкретное, даже вообще не искал. Ждал. Прислушивался. И, кажется, даже принюхивался.

Ничего. Он ждал тихого, едва слышного звона или свиста, иногда это был тонкий, свежий аромат, чуть горьковатый, или даже молниеносная вспышка, искра. Ничего.

Тот, кто зашёл последним, ещё раз, для верности, обошёл архив, потом сел на стул около двери и задумался.

В архиве столбом стояла пыль. Те, кто побыстрее, посильнее или посмышлёнее, гордо демонстрировали трофеи – по три, а то и по четыре стопки книг. Кто-то мог похвастаться только добытой в борьбе страничкой (мастер Сатрен хватался за сердце и призывал кары на головы несчастных), эти хмуро косились на первых. Были и те, кто оказался то ли хитрее, то ли ловчее, то ли просто непритязательные – те, кто удовольствовался парой тоненьких книжек, но зато заглянул в свитки и документы.

Сольге оценила старания претендентов не слишком высоко, зато старый архивариус сделал пометки напротив пары имён.

В стороне от всех, особняком, стоял юноша, который не принёс совсем ничего. Даже больше, он не был похож на человека, вообще утруждавшим себя поиском.

– Ты ничего не принёс. Почему?

– Потому что здесь нет ничего, что бы могло вас заинтересовать, госпожа ("Архивариус Сольге," – поправила машинально). Простите, архивариус Сольге.

Сольге долго молчала, разглядывала, думала. "Лентяй и обманщик или… Нашла? Вот так, случайно?" Случайно… А ведь ещё вчера она мечтала, что придётся выбирать из нескольких ищеек. Хорошо, хоть один. Хорошо, если не ошиблась. Надо убедиться, надо проверить. Юноша спокойно ждал. Он не бравировал, не суетился. Что там! Даже не смутился. Почти. Если бы не едва заметный румянец и не прячущиеся под ресницами огоньки в глазах, никто бы и не подумал, что юноша хоть немного переживает из-за задания.

– Почему? – повторила Сольге.

– Вы… Вы сказали, что вас интересуют Небесные сестры. Имея архив под рукой, вы вряд ли могли не читать то, что сейчас о них известно. Значит, вы ищете то, чего не смогли найти сами. Я прошёл через весь архив и проверил – здесь ничего нет.

Кто-то хихикнул – вот, мол, дурачок.

– Что ж… Полагаю, что ты победил, – смешки прекратились, сменились ропотом и перешёптываниями, но Сольге не стала отвлекаться, рассматривала юношу. Ростом он был примерно с неё саму. То ли худой, то ли стройный, не разобрать под серо-коричневым балахоном. Тёмные кудри, синие глаза, тонкие, изящные черты. То ли бледный, то ли светлокожий. Странно, что она сразу его не заметила. Впрочем, держался юноша без вызова. Спокойно, скорее, даже тихо и скромно.

– Как тебя зовут?

– Янкель, госпожа ("Архивариус Сольге".) Простите, архивариус Сольге.

– Янкель. Что ж, Янкель, место моего помощника – твоё.

– Это нечестно! – подал голос самый старший из претендентов, высокий, светловолосый парень, очень красивый, несомненно, знающий это, даже странно, что он оказался в архиве. Между тем, именно его стопка книг была самой большой.

– Объясни, – Сольге повернулась так резко, что те, кто стоял рядом, вздрогнули, но парня это не смутило.

– Любой мог сделать так, как Янкель. Но мы не знали, что так было можно.

– Имя?

– Авис.

Он страшно не нравился Сольге. Она сама не вполне понимала, почему. Наглый, высокомерный, страшно неуместный в архиве. Явно неглупый, но ему не хватало сообразительности, способности взглянуть на вещи иначе. Было ещё что-то. Что-то очень нехорошее, не подобрать слов.

Сольге долго мерила Ависа взглядом, другой давно бы уже смутился, но этот оказался крепким, даже взгляд не отвёл.

– Хорошо, – произнесла она, наконец. – Будет вам ещё одно задание.

В конце концов, может быть она рано обрадовалась, ошиблась. Пусть будет ещё одно задание, хотя бы для того, чтобы убедиться, что она права.

Старый архив. Пыль, хаос и разброд, беспорядочно сваленные свитки, отдельные листы, книги, тубусы с картами, мало ли что ещё. Странные шепотки где-то в глубине стеллажей, скрип и глухая тишина. Ходить здесь можно только с закрытым огнём – чтобы от случайной искры не полыхнуло все и сразу. Вот что увидели претенденты.

Их осталось совсем немного: Янкель, Авис, две девушки лет шестнадцати, похожие, как близнецы, и упитанный паренёк с испуганными глазами. Остальные отправились по домам: кто-то захотел уйти сам, кто-то смирился с проигрышем, а кого и пришлось насильно выдворять – способностей маловато, а гонору – хоть отбавляй.

– Вот они, ваши охотничьи угодья, – ухмыльнулась Сольге. – Времени – два дня и ни минутой больше. Спать, есть и все остальное – здесь. Пищу, воду и масло для фонарей вам будут приносить сюда, к дверям. Спальные места – между стеллажами. Отхожее – за той перегородкой. Через два дня мы проверим, что вы нашли. И учтите, свой выбор вы должны будете объяснить так, чтобы убедить нас в своей правоте. Задание то же.

Она окинула взглядом притихших претендентов и добавила:

– Последний шанс отступиться. Кто?

Ни один не сдвинулся с места, хотя одна из девушек и паренёк держались из последних сил.

Сольге пожала плечами, мол, ваше желание, вышла вслед за мастером Сатреном и заперла дверь на ключ.

– Это жестоко, Сольге! – выговаривал мастер Сатрен два дня спустя. Он бы и раньше высказал все, что думал по поводу задания в старом архиве, но Сольге благоразумно от него пряталась.

– Ты отправила несчастных детей искать сама не знаешь что туда, где мы сами ещё не разобрались и разберёмся ли когда-нибудь.

– Вот они нам и помогут, мастер. Не для того ли мы их проверяем?

Когда открылись двери, одна из девушек, причём та, что казалась посмелее и поувереннее, с рыданиями выбежала из архива и бросилась прочь. Что, интересно, она там увидела? Остальные выглядели не намного лучше. Пыльные, чумазые, с паутиной в волосах, то и дело чихающие претенденты, щурясь вышли на белый свет. Пухлый паренёк и вторая девушка не принесли ничего, но оба жалобно оправдывались, что, мол, увлеклись наведением порядка на полках и забыли о задании. Мастер Сатрен взглянул на их работу, пошептался с Сольге и увёл этих двоих с собой. Кажется, работников в архиве прибавилось. Вряд ли король будет возражать – Сольге об этом позаботится.

Остались Янкель и Авис. В руках первого были две абсолютно одинаковые книги, а второй, как и те, кто уже ушёл, вышел с пустыми руками.

– Авис?

– Я думаю, архивариус, что вы просто проверяли нас. Ничего вы не искали. Это было задание на сообразительность. И, как видите, я сообразил, что к чему. Полагаю, что в королевском замке нужны именно такие люди, как я.

"Наглый, очень наглый. И вовсе не такой умный, как показалось сначала. Нужны такие в замке… В архив ты пришёл, как же! В королевский, да, но не архив".

Янкель не стал дожидаться, пока к нему обратятся, и показал свои находки. Авис насмешливо фыркнул – самонадеянный, он был уже уверен в своей победе. Сольге же была готова отчаяться: ошиблась!

Янкель раскрыл книги на одной и той же странице:

– Взгляните, архивариус Сольге.

Это была книга с самого детства известная всем и каждому – Книга Создания, том первый. Удивительного и необычного в ней было… Ничего. Такая была в каждой библиотеке, в каждом архиве, в каждом семейном собрании.

– Я не вижу ничего, чего бы не видела раньше, Янкель.

– А так? – юноша показал обе книги одновременно. И… Что это? В том месте, где заканчивалась глава о Викейру и должна была начинаться следующая, виднелся след от не очень

аккуратно вырванных страниц. Но этого не могло быть! Сольге взяла ту, что Янкель показал первой: книга, как книга, все главы в привычном порядке.

– Я взял её на стеллаже, где хранятся повторные экземпляры, – сказал юноша.

– А эту?

Янкель замялся:

– Ну… Она завалилась между стеллажами, там, в глубине архива. Я случайно заметил.

Сольге онемела. Она нашла ищейку! Ошибки нет. А эти вырванные страницы… Что-то здесь есть, что-то непонятное. Может, это бракованный экземпляр? Зачем его тогда прятать? В том, что книга была именно спрятана, Сольге не сомневалась. Позже она заглянула в это место – на этих стеллажах хранились, большей частью, старые карты и зашифрованные письма двухсотлетней давности, а то и старше. Книга же, хоть и покрытая пылью и паутиной, явно появилась позже. Так откуда взялись остатки страниц?

Сольге совершенно забыла о двух претендентах, что не сводили с неё глаз. Ах, да!

– Моим помощником станет Янкель. Что же до тебя, Авис, то отправляйся-ка ты вон в ту часть замка. Не забудь рассказать, что я погнала тебя и совершенно не оценила твой ум, проницательность и расторопность. Думаю, тебе найдут там дело по душе.

Авис состроил кислую мину и отправился туда, куда велела Сольге – к Байвин. Впрочем, то, что в архиве он задерживаться не собирался, было абсолютной правдой. Так что в итоге выиграли все: Сольге получила свою ищейку, мастер Сатрен – послушных и покладистых (Сольге до них ох, как далеко) учеников, а Янкель и Авис – место, о котором каждый из них мог только мечтать.

***

Дни, сколько бы их ни прошло, превратились для Сольге и её нового помощника в один длинный-предлинный, почти нескончаемый день. Они не заметили, как Викейру постепенно догнала сестру, и Дневной глаз Рийин более не затмевал близнецов, чей смешавшийся свет придавал окружающему миру легкий лиловый оттенок.

И были книги. Немного. Всего девять. Все, что прислали в ответ на пару десятков писем Сольге. Было ещё несколько вежливых ответов, что книги, мол, у них как книги, такие же, как и везде. Остальные не удосужились даже ответить. Было ещё приглашение от правителя Виникриса: «Королевского архивариуса Сольге приглашают ознакомиться с богатой библиотекой Виникриса лично. Ибо ценность запрашиваемых архивом Октльхейна экземпляров слишком велика, чтобы подвергать их опасностям перевозки».

– Библиотека Виникриса собирает редкие издания? – наивно спросил Янкель. Громче, чем Сольге, фыркнул мастер Сатрен:

– Жадность у их правителя редкая. Куска дырявого пергамента да облезлого гусиного пера не выпросишь. А на деле у них те же книги, что и везде. Только очень старые, потому что на новые нужно тратить деньги, а про жадность я уже сказал.

Мастер сурово сдвинул брови, и его новые ученики, прислушавшиеся было к разговору, испуганными мышами скрылись среди стеллажей.

Янкель осторожно листал Книгу Создания, принадлежащую королю Дагедрейна, такую же старую, как её владелец. Несчастная была зачитана и залапана, похоже, всеми детьми, внуками и правнуками, всеми их нянями и воспитателями, всеми собаками и кошками, а возможно и какой-нибудь любопытной коровой. Во всяком случае, так выглядел этот том Книги Создания. На неё было страшно смотреть и дышать, не то, что листать. Сольге дописывала письма по поручению короля – Сестры всегда возвращаются на свои места в небе, а жизнь продолжается, и государственные дела никто не отменяет. Было тихо-тихо, только легкое поскрипывание пера да шелест страниц напоминали о том, что в помещении кто-то есть.

Ба-бах! Янкель вскочил со стула, сбросив на пол добрую половину книг, но словно даже не заметил этого. Он судорожно шарил по столу в поисках лупы. Нашёл и замер с ней над

над страницей едва живого тома из Дагедрейна. Потом схватил другую книгу, раскрыл, снова замер. Ещё одна книга, ещё, ещё, ещё…

– Янкель?

Он даже не повернулся, только прибавил огня в фонаре и опять завис над книгами.

– Вот, – сказал он, спустя некоторое время, – взгляните, архивариус Сольге. Видите? Точка. Вот, что различается в книгах. В дагедрейнском томе после слов «покровительствует магам» точки нет, видите? А вот здесь есть, и здесь, и вот… В тех томах, что поновее, точка есть.

– Зато здесь есть жирное пятно, точка может оказаться под ним, – Сольге радоваться не спешила. Да и чему? Такой мелочи? Точке?

– А здесь? – Янкель положил рядом ту книгу, что сам нашел в старом архиве. Его руки дрожали, голос едва слышно срывался, мальчишка был похож на… Да, на ищейку, взявшую след. – Здесь её тоже нет.

– А здесь лист потёртый. Янкель, двух книг мало, чтобы делать выводы.

Почему она упрямилась, Сольге и сама не могла понять. Мелочь, да, но это было первое, что они нашли за все время. Единственное, что они нашли.

– Нам нужно поехать в Виникрис, – Янкель упрямо стоял на своём. – Мастер Сатрен сказал, что там есть старые книги. Если правитель так жаден, как говорят, книги должны быть в хорошем состоянии – ими ведь не пользуются и берегут.

– Или просто хранят сваленными в кучу, лишь бы не выбрасывать. Нет, Янкель, никуда мы не поедем. Во-первых, повод слишком мал, во-вторых, скоро закроют ворота, а в-третьих… А в-третьих… Меня король не отпустит, вот, что в-третьих!

А ещё Сольге очень не хотелось признаваться, что за пределы города она выезжала всего два раза, и оба они закончились не очень хорошо.

Взять, к примеру, второй. Правитель Тарандола в очередной раз собрался решить вопрос спорных земель. Тех самых, по берегам Эрдвай. В этот раз – миром. У Толфреда есть незамужняя сестра, у правителя – неженатый сын. То, что разница в возрасте у них велика, кого это волнует? Государственные интересы выше предрассудков и капризов. Вот только и Байвин упёрлась, никуда, мол, из Октльхейна не поеду, и вздорный мальчишка Эддиль вдруг воспылал чувствами к Сольге. А Толфред, вместо того, чтобы приструнить одну и запереть вторую, вдруг заявил, что отдаст земли только как приданое за Сольге. Тарандольский правитель рвал и метал: брать в семью незаконнорождённую девицу, пусть и дочь короля… С другой стороны, кровь-то королевская, хоть и незаконная, да и земли больно хороши…

Так Сольге во второй раз выехала за пределы Октльхейна. Совсем ещё юная, счастливая, влюблённая. По традициям Тарандола будущая невестка должна была год прожить в семье жениха, выучить правила, научиться всему, что должна знать и уметь приличная тарандольская жена, привыкнуть к новому дому, наконец. Соседи посмеивались, конечно, мол, глядите, какие предусмотрительные: за год всякое случиться может, а лапа на приданое наложена, что-то да останется, даже если возвращать придётся.

Всякое и случилось. Погиб на охоте старший сын – наследник тарандольского престола. Вдову оставил с детишками малыми. Красивую вдову с богатым приданым и влиятельным отцом. Отпускать такую из семьи никак нельзя. Да она и сама не хотела. Дома она кто? Одна из дочерей. А здесь? Жена наследника, будущего правителя. Плохо, что овдовела, хорошо, что есть ещё один сын. А что невеста имеется у него… Сговорились свёкр с невесткой представить Сольге воровкой и обманщицей и с позором выставить. А земли спорные как выкуп оставить за собой. Король Толфред скандала не захочет – уступит берега Эрдвай. А жених? А что жених? Как отец скажет, так мальчик и поступит. Он наследник теперь, ему жена-бастард, пусть и королевский, не по рангу.

Но был посланник Горто, который должен был отвезти в Октльхейн письмо с ультиматумом (Сольге на телеге собирались отправить позже, чтоб позору побольше). И был он куда мудрее, осмотрительнее, чем его господин. Да и порядочнее, что уж. Горто предупредил Сольге и вывез её тайком на день раньше запланированного изгнания.

А король Толфред скандала не испугался. На следующий же день после возвращения Сольге на спорных землях воинский лагерь вырос. Сначала небольшой, для одного отряда. А там и остальное войско подтянулось.

Правитель Тарандола утёрся и отступил, а Сольге окончательно зареклась покидать пределы города.

А первый раз…

Стук в дверь отвлёк Сольге от размышлений. На пороге стояла служанка, тоненькая, смуглая – таких, вроде бы, раньше в замке не было.

– Архивариус Сольге, госпожа просит вас о встрече. Прямо сейчас.

Вот как. Какая-то неизвестная госпожа. Какая именно, служанка говорить отказывалась, только повторяла, что Сольге ждут прямо сейчас, а она отведёт.

Девица вела какими-то непонятными обходными путями, словно следы путала: то сворачивала в случайный коридор, то возвращалась обратно. Впрочем, вскоре Сольге стало ясно, что служанка просто заблудилась. Новенькая, что ли?

– Скажи мне имя твоей госпожи, и я сама дойду.

– Нет! – бедняжка вздрогнула. – Госпожа велела привести и не медлить, и ни с кем не говорить… Ой, – служанка осеклась.

– Понятно, – сомнений, кто мог послать за Сольге так срочно и так секретно, не осталось. Странно только, что служанку такую ненадежную послали. – Веди. Сейчас налево и до конца коридора.

У нужной комнаты девица замешкалась, поправляя фартук, сбившийся во время ее блужданий, пискнула: «Подождите, архивариус Сольге», – и нырнула за дверь. Сольге усмехнулась: конечно, оторвать от дел, заставить ждать – это очень в духе позвавшей госпожи. Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем…

Дверь открылась почти сразу, и служанка, судя по алеющим щекам и кончикам ушей, получившая выговор, с поклоном пригласила Сольге войти.

– Прости эту непутёвую дурочку, сестрица. Который день в замке, а выучить расположение коридоров так и не удосужилась.

Прости? Сестрица? Сольге проморгалась и ещё раз повнимательнее рассмотрела собеседницу. Это точно Байвин? Принцесса Байвин, та самая, что была готова стереть с лица земли и саму Сольге, и любое упоминание о ней? О да, это была она.

Байвин была старше брата всего лет на пять, но всегда говорила, что заменила ему мать. Может, это и было справедливо – королева Элетра умерла, когда Толфред едва вышел из младенческого возраста. И пока старый король прятался от горя в государственных делах и войнах, заботу о замке и брате взяла на себя Байвин. И это она спустя несколько лет вынудила отца отослать прочь любимую наложницу – мать Сольге. Это она снова стала хозяйкой замка, когда первая и единственная жена Толфреда, королева Шелен, умерла в родах. Поговаривали, будто бы Байвин приложила руку к смерти невестки, что, впрочем, ничем не подтверждалось и доказано не было. Однако, слухи такие ходили долго. Уж больно упорствовала принцесса в своём стремлении остаться в Октльхейне, скольким женихам отказала, сколько договоров нарушила, сколько раз ставила страну на грань войны, но замок так и не покинула. Некоторые считали, что за такую верность старый король мог бы объявить наследницей Байвин. Другие качали головами и говорили, что именно потому он этого и не сделал. Для Байвин более всего были важны Толфред и Октльхейн, только вместе и только так. Сольге была её поражением.

– Что тебе нужно, Байвин? – внезапное дружелюбие сестры, может, и сбило Сольге с толку, но ненадолго.

Байвин зло сверкнула глазами, но лишь на мгновение, и снова ласково улыбнулась:

– К чему нам ссориться, девочка? Впереди непростые времена, Альез близко, и совсем скоро Толфред удалится в свои покои, оставив нас без своей заботы. Ты не думаешь, что мы должны ему помочь? Думаю, тебе больше не нужно тревожить брата государственными делами – пусть отдыхает. Мы с тобой справимся сами. Согласна? С завтрашнего дня все письма, все важные бумаги неси сразу мне. Исполняй свои обязанности как и прежде, но отчитываться теперь ты будешь передо мной. Власть – тяжкое бремя, но Октльхейн нельзя оставлять без присмотра.

Даже так? Очень интересно…

– Альез приходит не первый раз. До сих пор мы справлялись. С чего вдруг такая забота?

– Ты расстраиваешь меня своей… недогадливостью, Сольге! – Байвин начинала терять терпение. – Королевство остается без присмотра, и мы все должны подчиниться необходимости…

– Я подчиняюсь только королю, Байвин. Только королю. Если Толфред прикажет мне отчитываться перед тобой – я это сделаю. А до тех пор все останется как есть.

– Ты пожалеешь… Я тебе устрою, дрянь… – змеиное шипение Байвин догнало Сольге, когда она уже закрывала за собой дверь.

«Не сомневаюсь», – подумала Сольге. Когда вечером её вызвали к королю, первое, что услышал разозлённый очередной ссорой сестёр Толфред, было:

– Мне нужно в Виникрис.

Глава 3

Путешествовать в Виникрис пришлось в свите посланника Петте. Так уж повелось, что на время прихода Альез каждый правитель отзывал своих посланников из других государств. Может быть, чтобы избежать вербовки шпионов с любой из сторон, хотя что мешает подкупить нужного человека в любое другое время, может быть, у предков были ещё какие-то резоны… Так уж случается, что причины, породившие некоторые традиции, со временем стираются из памяти людей, а сами традиции остаются. И задумываться – почему всё именно так, а не иначе – да кому оно надо? Вот и кочевали туда-сюда, несмотря на потраченное время, деньги и нервы. Одно хорошо, что нечасто.

Караван посольских повозок двигался почти без остановок, размеренно, но что-то неуловимо тревожное витало в воздухе. Сёстры приближались слишком быстро, и этот лиловый свет… Нет-нет, но то и дело вспыхивал какой-нибудь нервный разговор, заканчивающийся то ожиданием чуда, то страхом перед неизвестностью. Только Янкеля, казалось, ничего не волновало. Он забился в угол повозки с небольшой книжкой в руках и углубился в чтение, с редкими перерывами на сон, еду и другие потребности.

Сольге пребывала в дурном расположении духа. Если бы не та встреча с Байвин, ей и в голову бы не пришло отправляться в это путешествие, как бы ни настаивал Янкель. Но в этот раз сестрица превзошла саму себя. Что она наговорила Толфреду, Сольге не знала, но это привело короля в ярость. Такую, что на слова Сольге о Виникрисе он рявкнул:

– Да хоть в Чьиф! Только чтоб я тебя не видел.

Впрочем, Толфред тут же осёкся и обессиленно обмяк в кресле. Сольге подошла, села у ног и обняла его колени:

– Прости меня, мой король, – сказала она тихо, – я не знаю, что поставила мне в вину Байвин в этот раз, но прости. Я обещала с ней не ссориться, но, видимо, не получилось.

Толфред слабо провёл рукой по её волосам:

– Ладно, девочка, поезжай в Виникрис и найди то, что ты ищешь. Жду твоего отчёта. И, ради Сестёр, не болтайся по дорогам в одиночку. Твой мальчишка тебя не защитит. Туда поедешь с Пете, обратно – с Морсеном. Ступай.

Сольге на прощание поцеловала короля в лоб, обняла, прижалась на мгновение. Он задержал её:

– И Сольге. Насчёт Чьифа. Ты же понимаешь, что я вспылил? Не вздумай туда сунуться, иначе, если ты вообще вернёшься, я велю тебя высечь и запру в Старом архиве до конца жизни. Ты поняла?

– Я поняла, мой король, – рассмеялась Сольге. – Я всё поняла.

У дверей тосковала любимая наложница короля – Ийрим. Сольге оттащила её в сторону, чтобы не услышал король:

– Что Байвин наплела про меня? Говори! Я знаю, что ты слышала!

– Я… Я не знаю… Я не…

– Ийрим, ну!

– Она сказала, что попросила тебя помочь ей с учётом запасов. Что желающих укрыться в городе в этот раз больше, и ей нужны помощники. Что она умоляла тебя забыть старые ссоры и подумать о благе Октльхейна, а ты сказала, что у тебя есть дела поважнее, чем разбираться с толпой дармоедов…

– Только это? Ты уверена?

Ийрим испуганно кивнула. Байвин она боялась до онемения, но та не замечала её, словно букашку. А вот Сольге всегда была где-то поблизости. Больше видела, больше знала, а главное

– многое могла сделать. Самой Ийрим. Ох, не зря Сольге зовут за глаза королевской шавкой: вцепится – не отделаешься. С ней лучше быть честной.

Это происшествие и испортило настроение Сольге на все время путешествия.

«Интересно, – размышляла она, – Байвин, конечно же, нажаловалась. Но почему она скрыла истинную причину ссоры?» Это тревожило, а ещё Сольге беспокоило то, что она сама не рассказала королю правды. Может быть, всё же, стоило?

***

Винни XLIII, правитель и благодетель Виникриса, в отличие от Толфреда, не удалялся в свои покои на время прихода Альез – мало ли что могло случиться в его отсутствие. Его Благословейшество, так следовало обращаться к правителю Виникриса, был недоверчив и подозрителен настолько же, насколько и скуп. То и дело в какой-нибудь части замка раздавался скрип колёс и тяжёлое дыхание слуг, толкавших роскошную кровать господина, переделанную в коляску. «Хозяин может быть только один!» – важно заявлял Винни XLIII на любые просьбы поберечь себя и свои драгоценные силы. А уж приём важных гостей – ведь визит такого важного гостя, как королевский архивариус и личный секретарь короля Октльхейна в одном лице, не назовёшь незначительным – так и вовсе нельзя было доверить никому, кроме себя самого.

Пока Его Благословейшество приторно-певучим, утомлённым визитом Сестёр голосом пытался вытянуть из Сольге какие-нибудь таинственные или даже пикантные подробности жизни Октльхейна, Янкель отправился в библиотеку. Вернулся быстро, с добычей – абсолютно новым экземпляром первого тома Книги Создания – и крайне раздосадованный.

Привыкший к традиционному учёту, принятому в большинстве библиотек и архивов, Янкель оказался совершенно беспомощным в Виникрисе. Всё здесь стояло не по алфавиту, не по темам, а… Да вообще неизвестно, по какому принципу! Книги вперемешку с картинами, свитки рядом винными бутылками. Ни соринки, ни пылинки, что отрадно. Но… Как здесь найти что-нибудь нужное? Как?

Последнее «как?» он то ли подумал слишком громко, то ли произнёс вслух. И тут же из-за стеллажей выпорхнули с десяток молоденьких, хорошеньких служанок. Они хихикали, перешёптывались, строили глазки и мило румянились при взгляде на Янкеля, чем окончательно сбили его с толку.

Несчастный помощник архивариуса слепым щенком слонялся между стеллажами – чутье ищейки то ли покинуло его, то ли спряталось поглубже от шёпота и смешков. Он даже не сразу заметил, что ходит у одних и тех же полок: смешливые девицы ни на шаг не пустили его вглубь помещения. Тщетно пытался Янкель вырваться из окружения и найти хоть что-нибудь полезное.

– Это не библиотека, это не архив. Это склад какой-то – пробурчал он в отчаянии себе под нос.

– Это сокровищница, юноша, – девушка, появившаяся последней, была старше остальных, красивее и гораздо строже. – Я смотрительница Яфи, это мои помощницы. А кто вы?

– Почему у вас здесь все… вот так? – Янкель собирался выразиться иначе, но не хотел показаться грубым. Вышло глуповато, но, всё-таки, его поняли.

– А как иначе? Его Благословейшеству одинаково дороги все сокровища. Или вы считаете, что он должен был лишить себя удовольствия лицезреть все сразу и в одном месте ради удобства случайных гостей? Если вам что-то нужно, спросите у кого-то из нас – для этого мы здесь.

– Тоже как сокровища? – ляпнул Янкель, окончательно растерявшись – всё-таки до сих пор ему не приходилось видеть сразу столько красивых девушек.

Взрыв смеха был ему ответом. Улыбнулась даже строгая смотрительница. Книгу нашли. Притом так стремительно, словно держали наготове. И даже позволили взять с собой, «что, конечно, запрещено, но такому очаровательному юноше отказать невозможно».

Точки на нужной странице не было. Но был едва заметный след от вырванных страниц. Как и везде. Что теперь делать с этим знанием, Сольге не имела ни малейшего представления. Как и о том, куда теперь двигаться дальше.

На этом визит в Виникрис можно было бы считать завершённым. Но…

– Я готов отправиться в путь хоть сейчас, архивариус Сольге, – сказал посланник Морсен. – К сожалению, Его Благословейшество, да живёт он долго и неладно, отказал нам в провианте. Не только нашему посольству, всем, но от этого не легче. Теперь мы не сможем уехать, пока не соберём всё необходимое сами. Будь нас трое, мы были бы уже на полдороге к дому, но собрать все посольство в дорогу и обеспечить всем необходимым…

– Давайте я поговорю с правителем Винни, – Сольге совершенно не нравилась перспектива провести в Виникрисе хоть один лишний день без необходимости.

– Увы, не думаю, что это поможет, архивариус Сольге: правитель крайне щедр на слова, общения и похвалы самому себе, но бесконечно скуп, когда дело касается всего остального. Он только заморочит вам голову, но ничего не даст. Не поможет даже ваша близость к королю. Так что наберитесь терпения, а я постараюсь решить всё поскорее.

Терпения понадобилось много. Злые слуги из всех посольств рыскали по городу в поисках провианта и снаряжения в дорогу. Оно же ведь как: вот кажется, что всё собрано, всё готово – хоть сейчас в путь. Ан нет, то лошадь захромала, то ось у повозки на добром слове держится, то возница в запой ушёл. А если у всех отъезжающих одновременно проблемы образовались? То-то же! Торговцы задрали цены, глядя на такой спрос, кто-то, ожидая худшего, отказывался торговать и решил припрятать запасец побольше – в конце концов, неизвестно, чего ожидать от двух Сестёр сразу, мало ли, как всё обернётся. А полные закрома – это полные закрома, всегда пригодятся. Вот и приходилось несчастным посольствам по крошке, по верёвочке, по лошадиному хвосту собираться в дорогу.

***

Одним утром ворота города, наконец, открылись, и на дорогу выехал один-единственный путник.

– Кто это? – спросила Сольге у ближайшего стражника.

– Хирагрот, старший маг Виникриса, отправляется в Чьиф, цитадель магов, – торжественно ответствовал тот.

Маг. Это было интересно. В Октльхейне магия была под запретом уже несколько сотен лет. С тех пор, как маг, чьё имя было вымарано из истории и забыто навсегда, соблазнил королеву Оллим, пока король Артред укрылся в своих покоях, отдав силы Альез. Любовники вступили в сговор и нарушили наидревнейший закон Перемирия. Какая бы из Сестёр ни пришла – останавливались войны, откладывалась месть. Посвящённые и непосвящённые опускали оружие, наступал мир. Горе посвящённому, нарушившему закон – казнь и последующее забвение ждали каждого ослушавшегося Сестёр. Непосвящённых, что дерзнули воспользоваться случаем, уничтожали без суда, как бешеных тварей. Много имён исчезло в веках, много пролилось крови, пока воля Сестер не была впитана и усвоена всеми и каждым. Но нет-нет, а находились смельчаки, презревшие непреложное.

Вскоре беспомощный король был заперт в подземелье, и даже возвращённые Альез силы не помогли ему освободиться. Так и гнить бы несчастному Артреду в темнице или быть отравленным, или удавленным слугой-предателем, нашлись ведь и такие. Но заговорщики не смогли договориться. Безымянный ныне маг хотел оставить королю жизнь для каких-то там магических ритуалов и воссесть на трон в его обличии. Но вот Оллим собиралась вскоре объявить о безвременной кончине мужа и править самолично. А выдержав траур, приблизить к трону и своего возлюбленного. А может быть даже сделать его новым супругом и соправителем.

Пока любовники спорили и препирались, верные люди заподозрили неладное. Король Артред был освобождён, а неверная королева и маг – сожжены на площади. Башню мага раз-

рушили до основания и сровняли с землёй – ныне никто точно и не скажет, где она находилась. Так был зол за своё пленение король, что изгнал из Октльхейна всех магов и запретил им возвращаться под страхом смерти. Чуть было не пострадали и невинные целители и травники, кои никакого отношения к Викейру не имели, но разум, к их счастью, взял верх над обидой и мстительностью королевского нрава.

Так и стал Октльхейн единственной землёй, которую обходила своим взором синяя звезда Викейру, а о магах судили по книгам да по слухам, что в мире гуляют. А слухи – они что? Слухи и есть. Да и книги всей правды тоже не скажут.

Откормленная серая лошадь лениво трусила по дороге, ведущей на юг. Длинный тощий маг в бледно-лиловой в свете Сестёр мантии, сидящей на нём так, словно её намотали на палку, старательно пытался сохранить достоинство на широкой лошадиной спине, но у него это плохо получалось – несчастного мага так мотыляло во все стороны, что было удивительно, как он до сих пор ухитрялся удержаться на лошади.

Со всех сторон послышались смешки. Впрочем, сдавленные и тщательно скрываемы за хмыканьем, кашлем и чиханием – всё-таки старший маг Виникриса, а не ярмарочный шут.

– А я видел его вчера, – сказал Янкель. – В сокровищнице. Я помогал смотрительнице Яфи наладить учёт вместо того беспорядка, что у них сейчас, заодно надеялся найти что-нибудь полезное для нас, а он пришёл, все ходил, фыркал, что я, наверняка, хочу украсть что-нибудь ценное. Яфи… Смотрительница Яфи хотела его успокоить, сказала, что я интересовался только Сёстрами, и тут он как взбесится… Знаете, архивариус Сольге, он очень сильный, этот маг. Вытолкал меня взашей, как будто я бродяжка какой-то.

– Интересно, – протянула Сольге, – это очень интересно, Янкель. Потому что я тоже его встретила.

Пару дней назад Сольге, заплутав в узких коридорах и несколько раз свернув не туда, случайно вышла на стену замка. Спросить дорогу было не у кого – ни одного стражника поблизости, что было, конечно, очень странно. Только вдалеке, у входа в башню, маячила тощая нескладная фигура, замотанная в то ли в белую, то ли в бледно-голубую тряпку – в свете Сестер так сразу и не разберешь. Сольге хотела было попросить помощи у незнакомца, но тот, ещё не зная, что за ним наблюдают, вёл себя странно: начертил круг, зажёг в середине его свечу и, глядя на небо, затянул высоким нервным голосом то ли заунывную песню, то ли заклинание – слов было не разобрать. Вскоре пламя свечи замигало, заплясало и выбросило вверх сноп бирюзовых искр. Человек взвыл ещё громче, но искры исчезли и больше не появлялись, да и сама свеча погасла. Голос становился выше и злее – тщетно. Песня оборвалась самой яростной нотой, почти визгом. Человек взметнул кулаки к небу, в ту сторону, откуда смотрели на него Сестры, и выкрикнул что-то короткое и яростное, как проклятье. Почувствовав чужое присутствие, певец обернулся, и Сольге отпрянула, такой ненавистью было искажено его лицо. Секунда – и лицо мага, а это был, конечно, он, превратилось в маску, холодную и презрительную. Глухо буркнув под нос какую-то гадость – а чего ещё ожидать от мага – Хирагрот скрылся в башне, с противным скрипом захлопнув за собой дверь. Сольге не успела прийти в себя, а за спиной уже, как ни в чем не бывало, появился стражник, который и указал ей правильный путь.

Сольге проводила Хирагрота задумчивым взглядом. Две встречи, сами по себе ничего особенного не значащие, но вот вместе они наводили на некоторые мысли. И со временем мысли эти никуда не делись. Не то чтобы раздражали или постоянно вертелись в голове, но Сольге то и дело к ним возвращалась. Странные это были мысли.

***

К вечеру следующего дня стало понятно, что выехать не получится ни через день, ни через два, ни вообще неизвестно когда. Складывалось такое впечатление, что жадность Его Благословейшества распространилась на весь Виникрис в целом, включая посланников, путешественников и, наверное, даже перелётных птиц с мухами. Плюнув на все, выехал из города

посланник из Раймини, уставший бороться и понадеявшийся на удачу в пути. Остальные едва сдерживались. Посланники с секретарями, помощниками, слугами, а иные и с домочадцами, изнывали на сундуках, узлах и коробках, готовые сорваться в любой момент. Но проклятые припасы!

Сольге вместе с Янкелем могли покинуть Виникрис в любой момент – уж на двоих-то запастись в дорогу было проще, но обещание вернуться только вместе с посольством Морсена удерживало их на месте.

Янкель, воспользовавшись вынужденной задержкой, решил снова посетить сокровищницу.

– Увы, – печально сказала смотрительница Яфи, – именем Его Благословейшества и старшего мага Хирагрота вам отныне запрещено появляться здесь. Без объяснений.

Янкель не раз пытался пробиться сквозь заслон из хорошеньких помощниц, чтобы попытаться найти ещё что-нибудь полезное. Безуспешно. Девицы сыпали комплиментами, стреляли глазками, щебетали, но стояли крепко и к стеллажам его не подпускали. Так и возвращался каждый раз – встрёпанный, раскрасневшийся, злой, с пустыми руками и замороченной головой. Это был странный запрет. Ну вот с чего бы?

Сольге, устав прислушиваться, не заскрипят ли где колёса коляски правителя, устав от его умирающего голоса, тем более что Винни XLIII предпочитал расспрашивать, а не рассказывать, чаще выбирала оставаться в гостевых покоях, выделенных, в духе Его Благословейшества, им с Янкелем на двоих. Покои – это громко сказано. Две крошечные комнатушки, обставленные небогато, но довольно затейливо: мебель и утварь для них словно собирали по всему свету, у кого что ещё целое, но уже не жалко. Зато в узкий коридор гостевого крыла коляска правителя никак не пролезала, а дверь можно было запереть изнутри на засов.

Оставалась скука. К счастью, где-то у Янкеля была книга, та самая, с которой он не расставался всю дорогу в Виникрис.

– Где ты это взял? – спросила Сольге, когда Янкель в очередной раз вернулся из библиотеки. В руках у неё была книга с названием «Мой путь в Чьиф и обратно» некоего Бендо Дамута. – В старом архиве раскопал?

– Нет, в новом, – Янкель смущённо почесал лоб, – там на стеллаже у вашего стола стояла. Я просто хотел почитать в дороге. А нельзя было?

– Ну почему же, ты же мой помощник. А в книгу выдачи записал?

Янкель смутился:

– Н-нет… Кажется…

Сольге задумчиво посмотрела в окно и вздохнула:

– Не кажется ли тебе, друг мой Янкель, что события вокруг нас с тобой складываются каким-то странным, непостижимым образом? Вот смотри: я хотела в помощники архивную ищейку – я её, то есть тебя, получила.

– Я хотел работать в настоящем, большом архиве, а не считать потраченные листы бумаги и пергамента в лавке торговца, – добавил Янкель.

– Вот. Эта дурацкая точка, приглашение в Виникрис, ссора с Байвин, впрочем, нет, это считать не будем… И, наконец, это удивительное и непонятное поведение старшего мага, его скорый отъезд. Кстати, ты заметил, как мало вещей при нем было? А ещё этот вот дневник, в котором повествуется, что Бендо Дамут добрался до Чьифа в каких-то два дня и без особых сложностей. И это при том, что все знают, что цитадель находится неизвестно где, и попасть туда невозможно, если ты не маг… Интересно, да?

– Может, это колдовство какое-то, ну то, что он быстро добрался?

– Нет, друг мой, нет. Бендо Дамут пишет, что тогда приходила Викейру. А значит, никакой силы у магов не было. Как и сейчас…

Сольге поморщилась: за окном послышался скрип колёс – Его Благословейшество выехал на прогулку.

– Но архивариус Сольге, мы не поедем…

Послышались голоса. Один, усталый и капризный, – голос Винни XLIII, другой, разражённый, принадлежал посланнику Морсену.

– Отчего же не поедем? Ещё как поедем. Отчего-то у меня не проходит ощущение, что маги что-то знают о тех вещах, что интересуют нас с тобой. А значит нам просто необходимо нанести им визит. По крайней мере, попробуем нагнать почтенного Хирагрота – может быть, он удостоит нас разговором. Тогда вернёмся раньше.

– Но посланник Морсен…

– Посланник Морсен со всем своим хозяйством проторчит здесь ещё долго. Нашего отсутствия он даже не заметит. В крайнем случае скажем ему, что прогуляемся по окрестностям. И, да, Янкель, когда мы наедине, обращайся ко мне просто по имени. А то от архивариуса уже зубы сводит.

Сборы были недолгими, и вскоре заскрипели ворота, взметнулась пыль под копытами лошадей. Так насколько он далеко, этот таинственный Чьиф?

Глава 4

Каждый знает, что Чьиф – цитадель всех магов – находится в самом сердце жаркой пустыни. Чтобы добраться туда нужно быть магом или безумцем, потому что, помимо бескрайних песков, убийственной жары и ядовитых тварей, путника ждут и другие препятствия. Случайные свидетели рассказывали о песчаных бурях, появлявшихся ниоткуда и исчезавших, словно никогда и не было. Сказки о песчаных змеях, не тех, хоть ядовитых, но обычных, а о тех, что под землёй ещё быстрее и смертоноснее, чем на её поверхности, и таких огромных, что проглотить лошадь для них проще простого, держат в страхе уже которое поколение караванщиков. Безобидные перекати-поле, которые, по слухам, начинали дрожать, подпрыгивать, словно почуяв живое существо, хоть никакого ветра и не было, и семена их летели по сторонам, впивались, проникали под кожу поглубже и начинали там расти так быстро, что в считанные минуты несчастный путник превращался в колючий куст. Гигантская птица Намук с огненными перьями-копьями охраняла подступы к цитадели днём, а по ночам пески выдыхали мерцающий бледно-голубой туман, вытягивающий живое тепло и более ни на что не посягающий. Кто-то говорил о воинах-скелетах, бряцающих оружием и костями, кто-то шептал о златокожих чаровницах, то ли высасывающих жизнь, то ли вливающих яд с поцелуем. Некоторые утверждали, что само намерение посетить Чьиф без приглашения навлекает беду. Много чего говорили, много чем пугали.

Вот только, если верить Бендо Дамуту, ничего подобного на своём пути в цитадель он не встречал. Также он утверждал, что дорога от Виникриса до Чьифа заняла у него всего дня три, не больше, а самой большой трудностью было сначала отсутствие маленьких заварных пирожных, а потом, когда он достиг ворот цитадели, несговорчивость и упрямство магов, никак не желавших впускать настырного путешественника в своё убежище.

Дневник был подробен до занудства. Бендо Дамут описывал едва ли не каждый камень, каждое дерево, что попадалось ему на пути. И что сказать? Удивительно, но путь до границы Виникриса совпадал с описанным в дневнике настолько точно, насколько это возможно по прошествии стольких лет, а если верить датам, путешествие случилось целых сто лет назад.

Даже заночевать удалось в той же самой придорожной гостинице, что описывал в своём дневнике путешественник. Давясь от смеха Янкель сравнивал описание хозяина гостиницы тех времён с нынешним. Совпадало все: и стать, и толщина, и мощные руки, и усы. Разве что ныне гостиницей владела то ли внучка, то ли правнучка того, о ком говорилось в дневнике. Ну и брала она подороже за ночлег и еду.

В Виникрисе не было принято прятаться на время прихода Сестёр за городскими стенами. Каждое селение, каждая деревня имела свои, вовсе не такие, как октльхейнские – чтобы только кабанов да лосей не пускать, – серьёзные, крепкие каменные стены. С таких хорошо поливать кипятком и забрасывать всякой дрянью непрошенных гостей, о чем милостиво поведал сельский стражник, закрывая ворота за путешественниками так резво, что чуть не прищемил хвост Янкелевой лошадке. Это был уже третий день пути и первое серьёзное расхождение с дневником. Село, в котором заночевали Сольге и Янкель, во времена Бендо Дамута было ещё городом, небольшим, но вполне приличным и гостеприимным, если верить записям. Время не пощадило ни сам городок, ни характер его жителей. Скупость их и подозрительность могли сравниться лишь со скупостью подозрительностью самого Винни XLIII. В какой-то момент Сольге показалось, что вот-вот где-то за поворотом раздастся знакомый скрип колес. Бр-р-р-р…

Если с дневником все было ясно и вопросов особых не возникало, то с погоней за старшим магом Виникриса дела складывались куда как странно. Изначально сомнений, что Хира-

грота удастся догнать, не было. С таким умением держаться в седле далеко бы он не уехал. Однако же все оказалось не так просто.

Сначала на дороге не оказалось ни самого мага, ни его следов. В селениях, которые попадались по пути или в которых получалось остановиться на отдых, Хирагрота либо не видели вообще, либо… Ну вот, к примеру, в одно он въехал с запада, а уехал на восток, в другое – с северо-востока, а уехал, что характерно, на юго-запад. И это при том, что путь в Чьиф лежал точно на юг, а дорога не так уж чтобы и петляла.

– Следы запутывает, что ли? – задумчиво сказал Янкель, когда выяснилось, что Хирагрот опять свернул куда-то не туда.

– И заметь, времени между его отъездом и нашим приездом проходит все меньше. Похоже, что мы нагоняем господина Хирагрота. Но ты прав: что-то он темнит. – Сольге задумчиво посмотрела на пустую дорогу и добавила: Всё-таки хорошо, что в Октльхейне такой строгий запрет на магию. Мало нам своих затейников, ещё бы и с этими пришлось разбираться.

К полудню третьего дня пути граница Виникриса осталась позади. Интересно, что пустыня, по слухам окружавшая Чьиф, так и не началась. Впрочем, Бендо Дамут о ней тоже не упоминал. А если верить дневнику, то ближе к ночи должны были показаться стены цитадели. Пока же жизнь подсунула неожиданное препятствие и второе крупное расхождение с дневником: хорошая, выложенная огромными плоскими камнями дорога внезапно закончилась, а вместо неё осталась широкая и довольно утоптанная, но все же тропа. Которая, к тому же, вскоре начала сильно забирать вверх, да так, что Сольге и Янкелю вскоре пришлось спешиться и почти силой тащить за собой лошадей – те ни в какую не желали почувствовать себя горными козами.

– Похоже, – тяжело дыша, сказал Янкель, когда они, наконец, добрались до верха, – что-то случилось здесь после ухода Бендо Дамута.

Сольге устало опустилась на землю, привалившись к стволу старой кривой липы:

– Ты же читал его дневник. Он такой зануда, что маги, должно быть, устав с ним общаться, сами подняли землю, чтобы перекрыть границу – не дай Сестры, вернётся.

Смех спугнул ворону, облезлую и старую, наверное, даже старше липы. Визгливо каркнув, птица шумно снялась с дерева и улетела на юг. Янкель, все ещё смеясь, проводил её взглядом, и смех его смолк:

– Смотрите, Сольге!

С вершины дорога не неслась прямо вниз, а, извиваясь, ползла по склону. И в самом её конце, там, где изгибы становились плавнее и реже, а после и вовсе дорога вытягивалась в струну, все так же лениво, как и у ворот Виникриса, трусила серая лошадь с тощим, похожим на замотанную в тряпку палку, всадником. А им навстречу вырастали мрачные стены Чьифа. И были совсем не такими внушительными и величественными, как на изображениях в книгах или, к примеру, гобеленах. Скорее, остатки этого самого величия, сохраняющие. Как раз такие, как их описал в своём дневнике Бендо Дамут.

***

И все же догнать Хирагрота не удалось. То ли серая лошадь оказалась стремительнее, то ли расстояние обманчивее. Только скрип ворот цитадели, наверняка открывающихся навстречу магу, Сольге слышала в сумерках, а сами они достигли стен Чьифа уже в расцвеченной лиловым светом темноте. Бендо Дамут снова не обманул: никаких чудовищ из легенд и сказок путникам не встретилось, однако вторая главная проблема автора дневника – упрямство магов – встала перед ними почти непреодолимой стеной.

Молоденький мажек, почти мальчишка, не поддавался ни на какие уговоры, не проникался жалостью к несчастным заблудившимся путникам, не верил в потерянное письмо с приглашением от дальнего родственника. И даже слезы напуганной страшными легендами девицы оставили его равнодушным. Только одно имя заставило упёртого мага распахнуть ворота.

– Проклятый Хирагрот, – пробормотал Янкель, пока Сольге разыгрывала перепуганную деву, – не мог ехать помедленнее.

– Так вы гости старшего мага Виникриса? – удивился мажек.

Янкель открыл было рот, чтобы возразить, но Сольге незаметно, но вполне ощутимо ткнула его локтем в бок: «Молчи!» Сама она только загадочно улыбнулась, мол, вы правы, но давайте не будем об этом обстоятельстве распространяться, а вслух сказала:

– Мы ехали за господином старшим магом.

Мажек исчез, а спустя минуту-другую ворота распахнулись, выпустив пятёрку дюжих парней в непонятного цвета мантиях, и те аккуратно, но очень настойчиво сопроводили гостей внутрь цитадели.

Внутри Чьиф оказался ещё более мрачным, чем снаружи. Бесконечные тёмные коридоры, едва освещённые редкими факелами, гулкий камень под ногами и мантии сопровождающих – рассмотреть что-то ещё не представлялось возможным.

– Что мы будем говорить? – едва слышно прошептал Янкель.

– Правду. Во всяком случае, про себя. Мы же не знаем, что известно Хирагроту, и что он успел рассказать… – Так же тихо ответила Сольге. – Про Сестёр молчи… Вообще лучше молчи и соглашайся со мной, ладно?

– Зачем вы сказали, что мы гости Хирагрота?

– Я не говорила, они сами так решили. Не бойся, выкрутимся…

Впрочем, сама Сольге не была в этом так уверена. Успокаивала Янкеля, а сама клялась, что если сегодня им повезёт, и они смогут вернуться домой, то больше никогда, ни при каких условиях она не покинет границ Октльхейна, а может даже и стен королевского замка. Никогда!

Зал, в который их привели, на первый взгляд от коридоров отличался только размерами. Та же полутьма, пляшущая в неверном свете факелов, то же эхо шагов, только приглушённое. Странный зал: ни мебели – одни только ступени вдоль стен и ещё, повыше, напротив входа, – ни окон. Впрочем…

Янкель легко коснулся рукава Сольге и указал головой куда-то наверх. Потолок был слишком низким для такого зала и… Гобелен? Гобелен на потолке? Или вместо потолка?

Но что это? В дальнем углу, между краем гобелена и стеной пробивался тоненький, едва заметный луч света. Так вот оно что! Окна в этом зале есть. Но маги отгородились от них огромным гобеленом. Это так они встречают свою покровительницу? Прячась в тёмной норе, готовые слепнуть и задыхаться в душных залах, лишь бы не встретиться с той, кто пусть сначала и отнимет силы, но вернёт гораздо больше и одарит сверх того.

«Неужели маги её боятся! Боятся Викейру!» – они переглянулись, и Сольге прочла в глазах Янкеля то же, что и он в её. Вот это да! Вот это открытие!

– Кто вы и как попали сюда? – раздался скрипучий голос с самой верхней ступени. Бендо Дамут писал в своём дневнике, что по прибытии его принял Совет старших – пятеро магов, обладающих наибольшей силой. Здесь же, по ощущениям Сольге, народу было куда больше: то и дело с разных сторон слышались покашливания, вздохи, шорох одежд. Она уже собиралась ответить, как вздрогнула – ей показалось, будто чьи-то руки легко обшарили складки её платья и плащ. Судя по тому, как дёрнулся Янкель, с ним произошло то же самое.

И вот тут Сольге разозлилась. Сборище трусов, не осмеливающихся взглянуть навстречу своей покровительнице, прячущееся от мира за высокими стенами, пугающее гостей, тайно их обыскивая… Да как они смеют? С этого момента дневник Бендо Дамута становился бесполезным: самого путешественника встретили куда более приветливо, во всяком случае, не в темноте и с открытыми лицами.

Если бы Янкель не видел своими глазами, с кем въезжал в Чьиф, решил бы, что на вопросы мага ответила Байвин. Он, конечно, не знал принцессу так хорошо, скорее, вообще не

знал, но голос, красивый, как переливы хрустальной арфы, холодный, надменный и колючий, как её осколки, слышал.

Именно такой голос разорвал в клочья сумрак мрачного зала.

– Мы так и будем разговаривать в темноте? Маги Чьфа страшатся показать свои лица или боятся увидеть наши? А может в цитадели таковы законы гостеприимства?

Воцарилась тишина. Янкель замер, ожидая, если не молний, то гневной отповеди или даже выдворения. Спустя минуту факелы полыхнули все разом, растроились и разлетелись вдоль стен. Стало так светло, словно Рийин заглянула сюда своим Дневным глазом.

При ярком свете зал оказался больше и многолюднее, а сопровождающие – меньше ростом и не такие пугающими. Маги стаей бледно-голубых голубей расселись на ступенях, все курлыкали-переговаривались. У одних мантии были попроще, у других подороже. По углам сбились в стайки юные мажеки в белых мантиях – похоже, ученики, или как называются у них младшие? Ближе к высоким ступеням в конце зала сидели маги в расшитых серебром мантиях – старшие. Их было меньше, чем остальных, а разговоры реже и тише. И молча, величавыми монументами возвышались над всеми ещё пятеро. Их ярко-лазоревые мантии, без шитья и украшений, были обманчиво просты. Только знающий человек мог определить, что каждая из пяти стоила больше, чем все вместе взятые расшитые, нерасшитые и белые. Такую ткань мог позволить себе даже не каждый правитель. К примеру, такому ценителю прекрасного как Винни XLIII денег бы хватило разве что на дюжину носовых платочков.

Ещё цепкий взгляд Янкеля выхватил из толпы несколько магов в тёмно-синих, почти чёрных мантиях. Эти держались особняком и от всех разом, и друг от друга.

Сольге придирчиво оглядела присутствующих, осталась довольна, и голос Байвин в её устах потеплел:

– Так-то лучше. Я Сольге – личный секретарь и архивариус Толфреда, короля Октльхейна.

«Октльхейн! Октльхейн!» – понеслись по рядам шепотки и курлыканье, и зал впрямь стал похож на голубятню. Даже среди пятерых появилось лёгкое смятение. Сольге уже было собралась рассказать заготовленную байку про то, как они с Янкелем путешествовали по окрестностям и заблудились, но все обернулось ещё лучше.

– Это правда, что вы прибыли по приглашению старшего мага Виникриса – Хирагрота?

– Мы следовали за ним, – ответила Сольге и, как ни крути, это было чистой правдой.

Снова поползли шепотки. Пятеро переглянулись, один из них подал знак, и пятый сопровождающий Сольге и Янкеля, тот, что стоял сзади, исчез за дверями.

– И что же… – начал тот же голос, но Сольге перебила:

– Вы узнали наши имена, но на назвали своих. Или это тоже часть традиций Чьифа?

«Курлы-курлы-курлы!»

Янкелю становилось все страшнее. Ему уже мерещилась участь корочки хлеба, брошенной в стаю прожорливых птиц.

– Свет Безжалостной пронзает небеса, отнимая дарованное нам при рождении. И только пять Щитов могут остановить жадность синей звезды, приняв удар на себя. Щиты не носят имён, как не носят их стены, рвы и другие преграды, что поставлены на пути врага.

Одобрительный гул едва не оглушил Янкеля. Да и Сольге тоже едва смогла сдержать изумление. В то время, как посвящённые Альез считают её источником силы, с радостью отдают и с благодарностью принимают её дар, маги… Как мало известно о них в Октльхейне! Как мало!..

– Так что же понадобилось в нашей цитадели подданным короля Толфреда? – ехидно проскрипел голос другого Щита. – Неужто он решил открыть ворота Октльхейна детям Чьифа?

– Для начала мы должны быть уверены, что никто из вас больше не нарушит священное Перемирие и не покусится на трон, казну и саму суть королевской власти! – А вот то, что

у Толфреда даже мыслей таких не было, магам знать было вовсе не обязательно. И самому королю тоже. Главное – выбраться отсюда живыми. И не особенно врать.

– Мы должны обсудить ваше предложение, – сказал ещё один голос, мягкий, как кошачья шёрстка. Неужели среди магов есть женщины? – А пока отдохните после трудного пути. Мы не хотим, чтобы король Октльхейна упрекал Чьиф в негостеприимстве.

***

– Как вы думаете, кто кого обманывает, Сольге? – спросил Янкель, когда они остались одни.

Небольшая комнатушка, ещё меньше, чем в Виникрисе, едва вмещала в себе две узкие кровати, два сундука, больше похожих на ящички для мелочей, стол и два стула. Вряд ли это была гостевая комната. Скорее, ученическая келья. Здесь же были сложены седельные сумки. Их-то и осматривала Сольге, когда Янкель задал свой вопрос.

– Не знаю. Может быть нам повезёт, и маги закроют глаза на нашу хитрость ради возвращения в Октльхейн. Я видела старые письма – Чьиф долго слал предложения мира, даже после окончательного отказа были попытки…

– А король?

– Король?.. Знаешь, давай не будем заглядывать так далеко. Займёмся тем, за чем приехали. Пока я побуду посланником, ты попытайся попасть в их библиотеку. Может… – Она замолчала и, побледнев, повернулась к Янкелю:

– Наши вещи обыскивали! – И без сил опустилась на кровать. – Если они нашли дневник Бендо Дамута, вся наша удача…

Шансы вернуться целыми и невредимыми исчезали на глазах. Но Янкель оставался спокоен. Он рассеянно проверил свои сумки, убедился, что все на месте, хоть и перевёрнуто, и сказал:

– Не нашли. Я его в щель возле ворот спрятал. Не знаю почему.

– Янкель, ты… – Сольге рассмеялась и обняла его так крепко, словно Янкель только что вытащил её из пропасти. Хотя как знать, может, именно так оно и было.

***

Следующие четыре дня показались Сольге бесконечными. Никогда ранее в своей жизни ей не приходилось так тщательно подбирать слова. Манера речи Байвин выматывала, портила настроение и, казалось, даже характер. Каждый шаг, каждый взгляд тщательно продумывался. И глаза, глаза, глаза… Куда бы ни повернулась Сольге, она постоянно натыкалась на чей-нибудь взгляд, пытливый и подозрительный.

Янкелю приходилось не легче. Его всерьёз не воспринимали, но это не значит, что присмотра не было. Стоило ему остановиться, как рядом, как бы совершенно случайно, возникал кто-нибудь из учеников. На вопросы они не отвечали, старательно упражнялись в глухоте, но и препятствий сперва не чинили. Потому библиотеку Янкель нашёл довольно быстро – на второй день. Однако проникнуть в неё никак не удавалось. Он попытался раз – его оттёр в сторону кругленький, похожий на сдобный пирожок, мажек. При следующей попытке – ещё двое. Каждый раз число желающих помешать Янкелю росло, и он отступил.

Третий день Янкель посвятил наблюдению. Он осторожно, чтобы не вызвать новых подозрений, то и дело возвращался в коридор с нужной дверью. Ученики заглядывали в библиотеку чаще остальных магов. Просто открывали дверь и заходили. В какой-то момент Янкелю повезло: в приоткрытую дверь он увидел кусочек библиотеки – и самый вход, и чуть дальше. Смотритель библиотеки, горбатый маг в пыльной мантии, даже не повернул головы, когда очередной ученик прошёл мимо него, только грозно рыкнул на следующего, недостаточно быстро закрывшего дверь. Это было очень неплохо. Это было Янкелю на руку. Кто обратит внимание на очередного мажека, если тот зайдёт достаточно уверенно? Ему нужно только добраться до стеллажей, а там чутье архивной ищейки подскажет, куда идти.

Ещё полдня Янкель потратил на поиск мантии. Сначала он хотел воспользоваться простынями из комнаты, но они, как назло, были, скорее, светло-серыми, а не голубыми. Тогда он отправился на поиски комнат учеников. Везение не оставило его и здесь. Выделенная им с Сольге комната действительно оказалась ученической. К сожалению, ни одной забытой мантии в ней не нашлось. Зато обнаружился малюсенького роста ученик, который, кряхтя и пыхтя, тащил корзину с грязными мантиями других учеников. Он оставлял её у каждой из дверей, заходил в комнату, выносил одну-две мантии, добавлял их к своей ноше и тащил-кряхтел к новой двери.

Янкель дождался, когда мажек скроется за очередной дверью, и быстро-быстро сдёрнул с кучи самую верхнюю. Правда, неосторожно уронил ещё одну. Поправлять было некогда. Янкель тихонько прикрыл свою дверь и затаился. Шаги, мягкий шорох ткани, тихое ругательство и снова шаги и сопение. Кажется, маленький мажек не заметил пропажи. Янкель быстро переоделся и тихо выскользнул из комнаты.

Сначала ему снова повезло. Горбатый смотритель толком даже не взглянул на тихо вошедшего ученика, только поморщился и прокаркал:

– Смени мантию, ученик, от твоей вони книжные черви передохнут.

Янкель робко кивнул, ожидая, что его сейчас выгонят, но смотритель уже занялся своими делами.

Стеллажи уходили куда-то в глубину помещения, и конца им не было видно. Янкель даже растерялся сперва – такой огромной библиотеки он не то чтобы видеть, даже представить не мог. Ищейка внутри него сжалась и заскулила – страшно. Однако стоило сделать несколько шагов, как чутье стало потихоньку возвращаться. Что-то тоненько пело и звало Янкеля дальше. Ещё несколько шагов. Теперь он точно знал, куда ему надо идти. На два стеллажа левее и вперед через два перекрестка. На всякий случай, чтобы потом было проще найти дорогу назад, Янкель ставил чёрточки на пыльном полу под стеллажами.

Ему оставалось всего ничего, когда послышался звон колокола. Душа Янкеля нырнула куда-то под колени и оттуда свалилась в самые пятки: его обнаружили! Но вскоре раздался каркающий голос:

– Все вон! Ужин ждет. Пища для ума вряд ли принесёт вам пользу, идите и набейте хотя бы свои животы!

***

Ужин гостям подавали в их комнату, что было странно, но вполне на руку обоим: можно было наконец расслабиться без лишних глаз и ушей. Янкель чудом разминулся с теми, кто этот самый ужин принёс, ввалился в комнату и спрятал мантию под матрас. Вскоре появилась и Сольге.

Она устало опустилась на кровать:

– Я больше не могу, Янкель. Как Байвин живёт с таким характером? Я только три дня веду себя как она, а сил уже не осталось. И толку никакого. Одни слова, слова, слова. Пустые разговоры с утра и до вечера. Кроме того, что Чьиф яростно ненавидит Викейру, я пока больше ничего не узнала. Это удивительно, да? Ты бы видел их: как эти маги шипят и корчатся, стоит упомянуть имя Викейру. Как можно ненавидеть того, кто даёт тебе силу, пусть и ценой некоторой жертвы? Мне уже кажется, что мы зря сюда приехали – ничего эти маги не знают. А как твои успехи?

Янкель замялся. Хвастаться было нечем. Чутье чутьём, но не хотелось бы обнадёживать Сольге попусту.

– Я пока не уверен, но мне кажется, здесь что-то есть. У нас ведь есть ещё день или два?

Сольге вздохнула:

– Думаю, что есть. Знаешь, мне иногда кажется, что мы больше никогда не выберемся отсюда.

Чтобы не пугать помощника, она не стала делиться подозрениями. Вот только весь сегодняшний день её не отпускало ощущение, будто один из Щитов, тот, с мягким голосом, пытался (или пыталась?) уговорить их остаться в Чьифе до ухода Сестёр. То и дело возникал разговор об опасностях за стенами цитадели. Или о том, что Сольге необходимо узнать побольше о жизни в Чьифе, чтобы полнее и убедительнее донести до короля Толфреда мысль о необходимости примирения. Или… Нет, уже не слова. Взгляды. Хищные взгляды. Как у кошки, играющей с мышью. Как у ястреба, заметившего куропатку. К сожалению, мысль о том, что маги Чьифа могут оставить её в заложниках, чтобы потом выдвинуть выгодные для себя условия Октльхейну, посетила Сольге слишком поздно. Случись это хотя бы на пути из Виникриса, она в жизни бы не сунулась сюда, даже если бы им с Янкелем посулили открыть все секреты Сестёр, вырванных страниц и всего прочего. Проснувшийся страх был так велик, что Сольге готова была сорваться в дорогу прямо сейчас. Но они уже были в Чьифе. И ещё эти слова Янкеля…

***

Сольге уснула только под утро, извертевшись и окончательно запутавшись в коконе собственных мыслей и страхов, и не слышала, как Янкель осторожно достал из-под матраса мантию, переоделся и тихо выскользнул из комнаты.

Коридор был пуст. То ли ученики ещё спали, то ли уже разбежались по своим магическим делам. Янкель спокойно дошёл до библиотеки, так никого и не встретив. У дверей препятствий тоже не появилось. Горбатого смотрителя не было на месте, но Янкеля это только обрадовало. Он юркнул в проход между стеллажами и помчался туда, куда звало его чутье. А оно восторженно вопило: «Вперёд! Давай! Левее, ещё левее! Теперь прямо! Ещё! Вот, здесь! Стой!»

Тоненькая книжечка с красным корешком, что стояла на предпоследней сверху полке, словно обрадовалась: «А вот и ты, ищейка! Молодец».

Янкель огляделся – ни лесенки, ни скамейки какой-нибудь, ни приступки. Ах, да, это же маги! Наверняка у них есть какие-то заклинания, позволяющие доставать книги с самых верхних полок, но что делать Янкелю? Он попытался подтянуться на полке, чтобы залезть повыше, но ничего не получилось. Тогда он снял с одной из нижних полок несколько книг, ещё с одной, повыше, и ещё. Получились ступеньки. Дело пошло лучше, но все ещё медленно – руки скользили, книжная пыль набивалась в нос и по-хозяйски там устраивалась, наводила свои порядки – щекотала так, что не чихнуть было невозможно. И тут произошло сразу два события: на соседнем ряду послышались тихие, шаркающие шаги и ещё какие-то звуки, вот как если бы вороне пришло в голову бурчать себе под нос.

Грохот от падения Янкеля и вскарк (вскриком назвать это было нельзя) «Кто посмел?!» раздались тоже одновременно. Шаги ускорились. Янкелю повезло, что ряд был длинным: пока смотритель добрался до места, он уже успел нырнуть под стеллажи и укатиться подальше. Рёв разъярённого смотрителя отражался от стен и потолка, путался в книгах и свитках, цеплялся за крюки для ламп, запирающих в себе огонь, и метался среди полок. «Кто посмел?!» – повторялось снова и снова. Лёгкий шорох и по полу поползли серые, полупрозрачные щупальца. Это смотритель в гневе потратил остатки сил, чтобы найти нарушителя. Янкель юркой ящеркой скользил под стеллажами, едва уворачиваясь от колдовских штуковин, пока не упёрся в стену. Это было, наверное, на другом конце библиотеки, далеко от того места, где сейчас был смотритель. Щупальца ослабли, обмякли, ползли еле-еле. Одно едва не коснулось Янкеля, но он успел забиться за какой-то сундук. Крики смотрителя стихли, видимо, он решил, что нарушитель сбежал и щупальца исчезли.

Янкель отдышался и снова пополз. Идти в полный рост между рядами стеллажей он все же не осмелился. Впрочем, это мало ему помогло бы, потому что Янкель заблудился. Он кружил в поисках выхода, все больше отчаиваясь с каждой минутой. Библиотека Чьифа была столь велика, что даже представить страшно.

Мантия мешала ползти, и Янкель скинул её. Дорогу это найти не помогло, но ползти было легче. Чутье постепенно оправлялось от страха и начинало помогать. Ряд. Ещё один правее. На два вперед и левее. Янкель едва не вскрикнул от радости – на пыльном полу он обнаружил собственноручно начерченный им знак. До выхода оставалось немного. Под рукой что-то зашуршало – страница. Вся исчёрканная, залитая чернилами. Янкель хотел её оставить, но в этот самый момент оказалось, что смотритель и не думал прекращать свои поиски. Сразу три полупрозрачных щупальца метнулись к Янкелю, он стукнулся головой о полку, выкатился из-под стеллажа и рванул к дверям. Ему снова повезло: на пути не попалось ни одного ученика, а сам смотритель был ещё где-то за стеллажами…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.